

А.Г. Балаев

**ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОКРАИНЫ**

**МАРТОВСКИЕ СОБЫТИЯ 1918 ГОДА В
АЗЕРБАЙДЖАНЕ**

Москва
Издательство “Флинта” 2008

УДК 94(479.24)
ББК 63.3(5Азе)
Б 20

Балаев А.Г.

Б 20 Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. Москва: “Флинта”, 2008. - 56 с.

ISBN 978-5-9765-0328-1 (Флинта)

Автор выражает благодарность Ассоциации “Нахчыван” за содействие в публикации данной книги

Эта книга - попытка ответить на ряд животрепещущих вопросов истории Российской империи и Азербайджана начала XX века, которые не потеряли своей актуальности и по сей день. Более того - над некоторыми событиями того времени на Кавказе до сих пор существует завеса тайны и умолчания. Как отразилась победа Февральской революции на ситуацию в национальных окраинах Российской империи? Каковы были истинные причины невиданной эскалации межнациональной напряженности на Южном Кавказе в тот период? Какие политические силы были заинтересованы в развязывании мартовской трагедии 1918 года, в результате чего только в Баку погибли более 12 тысяч мирных жителей?

УДК 94(479.24)
ББК 63.3(5Азе)

На обложке: Центр Баку после мартовских событий 1918 года (Государственный архив фото и кинодокументов Азербайджанской республики)

©Издательство “Флинта”, 2008

Первая мировая война до крайности обострила социально-экономические, политические и национальные проблемы в Российской империи. Именно глубиной кризисных явлений практически во всех сферах российского общества объясняется относительно быстрое и безболезненное свержение самодержавия в феврале 1917 г.

При этом немаловажное значение имеет тот факт, что среди причин, приведших к краху самодержавной власти, одно из ведущих мест занимали национальные проблемы. Указывая на данное обстоятельство, лидер Азербайджанского национального движения начала XX века М.Э.Расулзаде справедливо отмечал, что “Февральская революция свершилась в результате все нарастающего напора двух важнейших сил: с одной стороны, обездоленные классы, а с другой стороны, поработанные народы требовали свои права”¹.

Подобная значимость национального фактора в свержении самодержавия была обусловлена тем, что на рубеже XIX-XX веков на территории Российской империи, параллельно с процессами пробуждения национального самосознания, становления и консолидации наций, в среде угнетенных народов происходило интенсивное формирование национальных движений. Наиболее заметным проявлением данного процесса стало в этот период возникновение на колониальных окраинах Российской империи разного рода национальных партий и организаций, аккумулировавших в своих программных документах весь спектр требований и устремлений угнетаемых самодержавием народов.

При всех различиях политических и идеологических воззрений, условий зарождения и функционирования этих национальных партий, все они преследовали одну цель - ликвидации национально-колониального гнета в Российской империи. И, как свидетельствуют программы таких партий и движений, суверенитет и автономия представлялись им наиболее эффективными способами создания благоприятных условий для свободного национального развития.

Именно стремление угнетенных народов к обретению в той или иной форме собственной государственности и предопределило непримиримый характер их конфронтации с самодержавием не только как с политическим институтом, но и как с олицетворением инациональной, в данном случае, русской власти.

Поэтому неудивительно, что, анализируя ситуацию в Российской империи в начале XX века, Д. Кончаловский отмечает, что в этот период “у царского режима были серьезные шансы справиться с социальными проблемами, с проблемами революционной интеллигенции, с проблемой экономического развития, но не было ни малейшего шанса решить национальный вопрос”².

По мнению Д. Кончаловского, именно национальная проблематика перекрывала пути эволюции царского режима, поскольку либерально-демократическая альтернатива, представляющая собой возможное решение всех прочих проблем, не только не способствовала решению национального вопроса, а наоборот, лишь усугубляла ситуацию в этой сфере и напрямую вела к распаду империи³.

В силу этого Российская империя, являющаяся конгломератом народов, насильственно удерживаемых самодержавием под своей эгидой, была обречена, что и подтвердилось в феврале 1917 года.

Хотя пришедшее к власти в результате февральских событий Временное правительство не ставило перед собой задачи кардинального решения национальной проблемы, тем не менее, с победой февральской революции, и, в первую очередь, в связи с отменой национальных и религиозных ограничений, сложились все же более благоприятные условия для национально-освободительной борьбы угнетенных народов.

Данное обстоятельство незамедлительно сказалось на политической активности народных масс национальных окраин Российской империи, в том числе и в Азербайджане. После февраля 1917 г. здесь, как и на всей территории бывшей империи, на волне национального подъема начали возникать новые национальные партии и организации различной политической и идеологической направленности.

В этот период вышла из подполья созданная в 1911 г. в обстановке строжайшей конспирации партия “Мусават”. И в течение буквально нескольких месяцев из малочисленного политического кружка подпольщиков она превратилась в наиболее массовую и авторитетную национальную партию Азербайджана.

Партия “Мусават” сыграла ключевую роль в формулировании и утверждении основных тезисов политической программы Азербайджанского национального движения на Общекавказском съезде мусульман, состоявшемся 15-20 апреля 1917 года в Баку. Доклад по ведущему вопросу повестки дня съезда - политическому устройству страны сделал лидер “Мусават” М.Э.Расулзаде. В основу его выступления была положена идея преобразования России в федеративную демократическую республику с предоставлением Азербайджану национально-территориальной автономии⁴. И, начиная с середины апреля 1917 г., требование национально-территориальной автономии стало главной целью Азербайджанского национального движения.

Кроме того, на этом съезде политические силы Азербайджана заняли достаточно радикальную позицию в вопросах войны и мира, потребовав немедленного прекращения войны и заключения мира без аннексий и контрибуций⁵.

Необходимо отметить, что наиболее характерной особенностью складывавшейся после февральской революции в Закавказье политической ситуации являлось несовпадение целей и устремлений функционировавших в этом регионе трех национальных движений (грузинского, азербайджанского и армянского).

В этом контексте особенно серьезные расхождения наблюдались между азербайджанским и армянским национальными движениями. Дело в том, что партия “Дашнакцутюн”, фактически руководившая армянским национальным движением, определяя гипотетическое пространство будущей армянской автономии в регионе, включала в ее состав обширные исторические земли Азербайджана и Грузии.

Однако расхождения между азербайджанскими и армянскими политическими силами этим не ограничивались. Так, в отличие от азербайджанских национальных сил, армянские партии во главе с “Дашнакцутюн” решительно поддерживали упорное стремление Временного правительства продолжить войну до победного конца. Подобная диаметрально противоположная позиция армян и азербайджанцев в вопросе войны и мира стала одним из основных факторов, способствовавших усилению конфронтационных тенденций во взаимоотношениях двух народов.

Дело в том, что в этот период “Дашнакцутюн” стремился воспользоваться ситуацией для реализации собственных планов по созданию в регионе т.н. “Великой Армении”, охватывающей значительную часть и турецкой территории. Очевидно, что первейшим условием для достижения этой цели являлась военная победа России над Турцией в ходе Первой мировой войны. Как верно замечает американский исследователь Ф.Каземзаде, на тот момент “поражение Турции стало у армян навязчивой идеей, почти манией”⁶.

Поэтому вполне естественно, что сразу же после февральской революции партия “Дашнакцутюн” под маской “освобождения братьев-армян” развернула широкую кампанию за продолжение войны против Турции до победного конца и потому оказывала всемерную поддержку Временному правительству.

Если в начале Первой мировой войны “Дашнакцутюн” посылал на Кавказский фронт лишь отдельные добровольческие отряды, то после свержения царизма, пытаясь любой ценой добиться воплощения в жизнь идеи “Великой Армении”, “на фронт отправлялись уже целые корпуса, сформированные из армян”⁷.

Впоследствии именно эти формирования стали в руках дашнаков орудием террора в отношении мирного азербайджанского населения Закавказья.

Положение азербайджанцев дополнительно осложнялось тем, что симпатии Временного правительства и поддерживавших его политических сил, как и следовало ожидать, находились на стороне армян. В этой связи неудивительно, что местные отделения российских партий в регионе развернули весной 1917 г. широкую кампанию против азербайджанских национальных организаций, обвиняя их “в обособленности и национализме, в игнорировании государственных интересов России”⁸.

Это обстоятельство оказало существенное влияние на расстановку политических сил в регионе, поскольку в нарастающем противостоянии между азербайджанцами и армянами последние пользовались неограниченной поддержкой Временного правительства и российских политических партий.

Правда, после падения Временного правительства и прихода к власти большевиков в октябре 1917 года казалось, что планы дашнаков относительно создания “Великой Армении” окончательно рухнули, поскольку большевистское правительство придерживалось тактики выхода из войны, и вскоре даже подписало мирный договор с Германией.

Однако армянские националистические организации, и, в первую очередь, “Дашнакцутюн” быстро приспособились к новым политическим реалиям. Осознав, что планы по созданию “армянской государственности” на территории Турции если и не провалились окончательно, то значительно осложнились, дашнаки переключились на реализацию этой идеи в Закавказье.

Такая смена вектора армянской активности привела к невиданной эскалации напряженности в азербайджано-армянских отношениях в регионе, поскольку, как уже отмечалось выше, лидеры “Дашнакцутюн” планировали включить в состав “армянского государства” обширные территории с преимущественно азербайджанским населением. А это требовало осуществления за довольно короткий срок масштабных “этнических чисток”.

Уже в начале 1918 г. партия “Дашнакцутюн” приступила к осуществлению преступного плана по выдавливанию азербайджанцев с их исконных земель для последующей их колонизации армянами. С этой целью дашнаками и были активно задействованы армянские вооруженные отряды, ранее воевавшие в составе русской армии на Кавказском фронте.

Азербайджанцы оказались довольно в затруднительном положении, поскольку им практически нечего было противопоставить хорошо вооруженным армянским формированиям. В силу ряда объективных и субъективных факторов, военная сфера являлась “ахиллесовой пятой” Азербайджанского национального движения. Это объяснялось, в частности, острой нехваткой офицерских кадров и отсутствием военных навыков у азербайджанского населения, на которое в царской России не

распространялась воинская повинность. Дискриминационная политика в отношении азербайджанцев в военной сфере продолжалась после свержения самодержавия и прихода к власти Временного правительства, которое с недоверием относилось к мусульманам. Подобное отношение со стороны правительственных структур проявлялось, в том числе, и в создании всевозможных искусственных препятствий на пути формирования азербайджанских национальных частей. И все это несмотря на то, что одновременно ускоренными темпами продолжалось наращивание грузинской и армянской военной силы.

Положение в этой сфере существенно не изменилось не только после октябрьского переворота 1917 г., но и создания в феврале 1918 г. Закавказского Сейма. Недоверие, а в некоторых случаях и открытое противодействие закавказских властей в значительной степени тормозили процесс формирования азербайджанских национальных воинских соединений.

Обращая внимание руководства Закавказского Сейма на применение в отношении азербайджанцев подобных “двойных стандартов”, депутат от Азербайджана А.Кантемиров отмечал, что “после ухода русской армии, когда начался дележ всего наследия этой армии, наименее причастным к этому дележу оказалось азербайджанское крестьянство. Все нашли, что азербайджанскому крестьянству это оружие совершенно не нужно”⁹.

Примечательно, что азербайджанцам было отказано в выдаче 500 винтовок даже для правительственной милиции Бакинской губернии, в то время как грузины и армяне имели возможность получить оружие по максимуму своих требований¹⁰.

Принимая во внимание указанные обстоятельства, можно утверждать, что ответственность за развязывание мартовских событий 1918 года в Баку и некоторых других регионах Азербайджана, наряду с большевистско-дашнакскими лидерами Бакинского Совета, несут и руководители Закавказского Сейма.

Между тем, воспользовавшись благожелательным отношением российских и закавказских властей, к началу 1918 г. армяне завладели значительной частью оружия и боеприпасов, оставленных русскими войсками на Кавказском фронте, и направили их против мирного азербайджанского населения.

Одна из первых масштабных операций армянских формирований по этнической чистке территории Закавказья от азербайджанцев была осуществлена в Эриванской губернии. С 17 по 21 февраля 1918 г. регулярные армянские вооруженные формирования под командованием полковника Пирумова, применив артиллерию, стерли с лица земли в этой губернии 21 азербайджанское село¹¹. В целом же, в период с начала 1917 года по март

1918 г. в Эриванской губернии было разграблено и уничтожено 197 азербайджанских сел¹².

Данная карательная операция являлась составной частью политики “Дашнакцутюн” по этнической чистке территории Эриванской губернии от азербайджанцев с последующим превращением этих исконно азербайджанских земель в центр армянской государственности в Закавказье. Ведь по данным на 1 января 1916 г. азербайджанцы составляли примерно 40% населения Эриванской губернии¹³. Причем из семи уездов Эриванской губернии в четырех - Нахичеванском, Сурмалинском, Шаруро-Даралагезском и Зангезурском - армяне находились в численном меньшинстве.

Следовательно, вполне закономерно, что даже после установления относительного спокойствия в Эриванской губернии, азербайджанцам не разрешили возвращаться к своим родным очагам.

Карательная операция против мирного азербайджанского населения Эриванской губернии стала для дашнакских формирований своеобразной “генеральной репетицией” перед мартовскими событиями 1918 г. Эти события, приведшие только в Баку к гибели более 12 тысяч ни в чем не повинных мирных азербайджанцев, являются одной из самых страшных и трагических страниц новейшей истории Азербайджана.

Первая попытка дать объективную политическую оценку мартовской бойни, осуществленной большевистско-дашнакскими бандами, была предпринята вскоре после провозглашения 28 мая 1918 г. государственной независимости Азербайджана. С этой целью 15 июня 1918 г. Азербайджанское правительство приняло решение об организации Чрезвычайной следственной комиссии “для расследования насилий, произведенных над мусульманами и их имуществом в пределах всего Закавказья со времени начала европейской войны”¹⁴.

Чрезвычайной следственной комиссией была проделана огромная работа по регистрации всех случаев насилия в отношении азербайджанцев и обстоятельств их совершения в ходе мартовских событий 1918 г. На основании собранных комиссией материалов против виновников мартовской трагедии были возбуждены десятки уголовных дел.

К сожалению, события апреля 1920 года, приведшие к оккупации Азербайджана большевистскими войсками и положившие конец государственной независимости республики, не позволили этой комиссии завершить свою работу. Захватившие власть в Азербайджане большевики не только приостановили ее деятельность, но и сделали все возможное, чтобы стереть из исторической памяти азербайджанского народа уроки мартовской трагедии.

Только после распада СССР азербайджанские историки получили возможность приступить к объективному исследованию причин, характера и последствий кровавого марта 1918 года.

Говоря об основных причинах мартовских событий, следует, прежде всего, еще раз обратить внимание на тот факт, что азербайджанские национальные силы во главе с партией “Мусават” выступали за предоставление Азербайджану национально-территориальной автономии.

И хотя в этот период дашнаки и большевики преследовали различные цели, но в вопросе разгрома азербайджанских национальных сил в Баку они оказались абсолютно солидарны. Образование азербайджанской автономии, за что ратовал “Мусават”, было абсолютно неприемлемым не только для большевиков, но и для лидеров “Дашнакцутюн”, которые занимали ключевые позиции в руководстве Бакинского совета рабочих депутатов.

Создание азербайджанской автономии, прежде всего, противоречило геостратегическим интересам дашнаков. Ведь по замыслу лидеров “Дашнакцутюн”, исторические азербайджанские земли в Закавказье, включая территорию Бакинской и Елисаветпольской (Гянджинской) губернии должны были войти в состав т.н. “Великой Армении от моря до моря” со сплошным армянским населением.

В свою очередь, и большевики считали идею азербайджанской автономии главным препятствием на пути распространения своего господства по всему Азербайджану и Закавказью. К тому же большевики, проповедующие идеи классовой борьбы, рассматривали национальную программу мусаватистов как фактор, дезорганизующий и дезориентирующий трудовые массы в этой борьбе. Вот почему они не могли смириться с присутствием, и, тем более, доминированием на политической арене Азербайджана партии “Мусават”.

Неслучайно, что вполне обоснованное требование “Мусават” о предоставлении Азербайджану национально-территориальной автономии руководитель Бакинского Совета С.Г.Шаумян интерпретировал как “мечту азербайджанских националистов” сделать Баку “столицей Азербайджанского ханства”¹⁵. Естественное для любого народа стремление к национальному освобождению лидер кавказских большевиков считал проявлением национализма, и такая позиция не могла не привести к трагедии.

Таким образом, мартовские события 1918 года были обусловлены антагонистическим по своему характеру политическим противоборством между большевистско-дашнакским альянсом, с одной стороны, и партией “Мусават”, с другой.

Особенно встревожили большевиков и дашнаков политические успехи партии “Мусават” в начале 1918 г. Если на первом этапе своей деятельности после выхода из подполья (февраль-октябрь 1917 г.) “Мусават” занимался, в

основном, укреплением своих организационных структур, то после октябрьского переворота 1917 г. партия перешла к активным действиям. К началу марта 1918 года “Мусават” уже превратилась в ведущую политическую силу азербайджанского общества, сумев сплотить вокруг себя “подавляющее большинство мусульманского населения Азербайджана”¹⁶.

В этот период власть в значительной части Бакинской и Елисаветпольской (Гянджинской) губерний фактически находилась в руках “Мусавата”. Успехи партии приходилось признать даже самым оголтелым ее противникам. Так, руководитель Бакинского совета С. Шаумян, вынужден был констатировать, что “с самого начала самая слабая политическая партия в Закавказье - “Мусават”, которая сформировалась во время этой революции, которая не имела никаких организаций, никаких партийных традиций, никакой власти, которая не играла никакой роли в начале революции, к началу второго года после Февральской революции партия “Мусават” оказалась самой сильной политической партией в Закавказье”¹⁷.

Дополнительным раздражающим фактором для большевиков послужило то, что процесс формирования азербайджанских национальных воинских формирований под руководством “Мусавата”, хотя и с трудом, но все же продвигался вперед. Они прекрасно осознавали, что политический авторитет “Мусавата”, подкрепленный реальной военной силой в лице национальных частей, делает его практически неуязвимым. Подобное развитие ситуации неминуемо сделало бы мусаватистов лидирующими игроками на политической сцене Азербайджана.

Понимая это, большевики решили, не дожидаясь завершения процесса создания азербайджанских национальных частей, нанести превентивный удар по “Мусавату” и, тем самым, добиться полного разгрома национального движения в Азербайджане.

Однако, масштабы мартовской трагедии 1918 г., наряду с упомянутыми объективными факторами, определили, несомненно, и некоторые моменты субъективного плана, в частности, факт нахождения во главе Бакинского Совета такой одиозной личности, как С.Г.Шаумян. Даже на фоне других большевистских лидеров С.Г.Шаумян выделялся своим крайне враждебным отношением к праву народов на самоопределение, категорически отвергая простое декларирование этого принципа. Подчеркивая ошибочность подобной позиции, В.И.Ленин еще в 1914 году, обращаясь к С.Г.Шаумяну, писал: “Не стыдно ли российскому марксисту стоять на точке зрения армянского курятника? ...из-за “армянской” слепоты Вы становитесь подручным Пуришкевичей и их национализма”¹⁸.

Однако при всем желании расправиться с национальными силами Азербайджана большевики во главе с С.Г.Шаумяном не располагали в Баку достаточной военной поддержкой для реализации этой задачи. И это

несмотря на то, что накануне марта 1918 г. они предпринимали энергичные шаги с целью ускорения процесса формирования частей Красной Армии, и привлечения на свою сторону моряков Каспийской военной флотилии.

Так, в письме И.В.Сталину от 16 марта 1918 г. С.Г.Шаумян просил СНК РСФСР ассигновать 10 млн. руб. на нужды Военно-революционного комитета Кавказской Армии¹⁹.

В результате этих усилий местным большевикам, хоть и удалось к середине марта 1918 г. увеличить численность своих вооруженных формирований в Баку до 6 тыс. человек, но этого было явно недостаточно для осуществления масштабной карательной операции с целью полной нейтрализации азербайджанских национальных сил во главе с партией “Мусаваг”.

Большевики нуждались в союзниках в своей борьбе с национальными силами Азербайджана. И очень скоро они получили политическую поддержку местных меньшевиков и эсеров. Руководитель бакинских меньшевиков Айолло заверил С.Г. Шаумяна в том, что они будут бороться против панисламизма и социалистов “a L orientale” Аналогичную позицию заняли и местные эсеры. Даже кадеты обещали в этом вопросе поддержать большевиков, как борцов за “русское дело”²⁰.

Впрочем, большевики нуждались не в политической, а в реальной военной поддержке в борьбе с “Мусаваг”, и такую поддержку в то время могла обеспечить лишь партия “Дашнакцутюн”. Стремление любой ценой расправиться с национальными силами Азербайджана подтолкнуло С.Г.Шаумяна и его единомышленников в объятия ультранационалистических армянских группировок во главе с их лидером - партией “Дашнакцутюн”.

Обращая внимание на такое “удивительное и трогательное единодушие всех элементов - от кадетов до большевиков, и от дашнаков до социалистов” в борьбе с азербайджанцами, газета “Ачыг сез” в те дни писала: “...те самые большевики, которые с меньшевиками в течение года душили друг друга, сегодня сдаются кадетам, дашнакам и прочим, капитулируют перед ними... Такое сотрудничество, - продолжала газета, - возможно только на почве национальной борьбы; и что политика натравливания одной нации на другую является трагической капитуляцией демократии”²¹.

Принимая решение о создании фактически военно-политического союза с “Дашнакцутюн” в борьбе с национальными силами Азербайджана в марте 1918 г., большевистские лидеры руководствовались тем, что дашнакские формирования были неплохо вооружены и обладали немалым военным опытом, приобретенным, как уже отмечалось, в составе русской армии на фронтах Первой мировой войны. Весь этот боевой опыт дашнакских формирований и был использован против мирного азербайджанского населения Бакинской губернии в ходе мартовских событий

1918 г. Главной ударной силой Бакинского Совета в этих событиях стали именно дашнакские формирования, имевшие свои счета с азербайджанцами.

В качестве приманки для привлечения дашнаков на свою сторону большевики также использовали “Декрет о Турецкой Армении” от 29 декабря 1917 г., подписанный В.И.Лениным и И.В.Сталиным. Этот декрет предполагал создание армянской автономии на временно оккупированной русскими войсками турецкой территории. Причем, большевистские вожди предусмотрительно возложили реализацию данного декрета на руководителя бакинских большевиков С.Шаумяна, которому было предписано оказывать всяческое содействие армянским организациям “для проведения в жизнь национальной идеи, которую ждал в течение веков угнетенный армянский народ”²².

Как бы то ни было, отбросив в сторону все свои межпартийные распри и политические разногласия, большевики и дашнаки заключили в Баку военно-политический союз, направленный своим острием против “Мусавата”, являвшемся в то время стержнем Азербайджанского национального движения.

Один из тогдашних лидеров партии “Дашнакцутюн” - О.Качазнуни впоследствии признавал, что “как в Тифлисе мы (дашнаки - А.Б.) невольно подпали под гегемонию грузинских меньшевиков, точно также в Баку мы находились под влиянием большевиков”²³.

При этом О.Качазнуни оправдывал активное участие армянских формирований в мартовских событиях тем обстоятельством, что “с точки зрения безопасности армянского населения в Баку, диктатура большевиков была значительно приемлемее, чем диктатура “Мусавата”. Этим лишь объясняется, что наши в Баку все больше и больше предавались большевистскому движению и служили как бы опорой для него...”²⁴.

Вполне закономерно и то, что развязка конфликта между большевиками и дашнаками, с одной стороны, и азербайджанскими национальными силами во главе с “Мусаватом”, с другой, произошла именно в Баку. Это было связано с целым рядом факторов, обуславливающих значимость этого города для противоборствующих сторон.

Во-первых, как подчеркивал М.Э.Расулзаде, “Баку был центром Азербайджанского национального движения”²⁵, в уничтожении которого оказались одинаково заинтересованы как большевики, так и дашнаки. Во-вторых, не следует игнорировать огромную экономическую значимость нефтяной промышленности Баку. Бакинская нефть являлась “главным нервом всей российской фабрично-заводской промышленности и транспорта”²⁶. Поэтому овладение нефтяным Баку было заветной мечтой каждой политической силы, стремящейся к доминированию на Южном Кавказе,

И, наконец, в третьих, большевики рассматривали Баку в качестве “опорного пункта” для распространения своей власти по всему Закавказью. Значение Баку для большевиков кардинально возросло после того, как в середине февраля 1918 г. Закавказское правительство своими решительными действиями пресекло попытку большевиков захватить власть в Тифлисе. Вследствие этого основные силы большевиков вынуждены были покинуть пределы Грузии и сосредоточиться в Баку.

Теперь большевики никак не могли допустить потерю контроля над Баку. К тому же укрепление здесь позиций большевиков фактически позволяло им доминировать и на Каспийском море. В этом смысле именно в Баку решался вопрос жизни и смерти большевистской власти в Закавказье. На протяжении десятилетий мартовские события 1918 г. преподносились в советской историографии как спровоцированная якобы мусаватистами гражданская война. Однако исторические факты убедительно доказывают всю несостоятельность подобной трактовки этих событий. Не выдерживают также никакой критики попытки возложить ответственность за развязывание мартовского кровопролития 1918 г. на партию “Мусават”.

Доказывая “безосновательность” подобных обвинений, лидер “Мусават” М.Э.Расулзаде резонно отмечал, что “для объявления войны нужно было располагать хоть какой-нибудь физической силой, которой у “Мусавата” не было”²⁷.

Действительно, накануне мартовских событий азербайджанцы, в том числе партия “Мусават”, не имели сколько-нибудь крупных воинских формирований в Баку и его окрестностях. Этот факт подтверждают не только многие зарубежные, но даже некоторые советские исследователи. В частности, Я.Ратгаузер в своей работе «Революция и гражданская война в Баку», изданной в середине 20-х гг. XX в., пишет: «Регулярных воинских частей у партии “Мусават” к началу событий в городе не было. Мусаватские силы, находившиеся в районах, не были своевременно подтянуты к городу. Мы предполагаем, что руководящее ядро партии “Мусават” не ожидало начала боя в день 30 (18) марта”²⁸. С другой стороны, по свидетельству члена партии кадетов Б.Л.Байкова, вследствие двухмесячного закрытия железнодорожного движения между Баку и Тифлисом, в тот период в городе “скопилось около 8000 армян-солдат, вернувшихся с европейских фронтов войны с оружием в руках”²⁹. Если добавить сюда и несколько тысяч хорошо вооруженных боевиков партии “Дашнакцутюн”, то станет очевидным, что в этот момент соотношение военных сил в Баку складывалось явно не в пользу “Мусавата”.

Кроме того, за пять дней до начала событий Армянский Национальный Совет ходатайствовал об отводе части армянских вооруженных сил из Баку. С этой целью армянская сторона обратилась ко

всем партиям и организациям, и, в первую очередь, к “Мусавату”, контролирующему значительную часть железнодорожного пути в Елисаветпольской (Гянджинской) губернии, с просьбой “принять самые решительные меры, какие необходимы для устранения препятствий, мешающих скорейшему открытию безопасного сообщения Баку-Тифлис”³⁰.

Простая логика подсказывает, что “Мусавату”, прежде чем организовать вооруженное выступление в Баку, гораздо выгоднее было ожидать ухода из города хотя бы части армянских формирований. Все эти факторы в совокупности подтверждают, что в подобных условиях “Мусават” не мог быть инициатором вооруженной схватки с большевистско-дашнакским альянсом в Баку.

Тогдашние лидеры большевиков и дашнаков в городе обвиняли “Мусават” также в том, что он спровоцировал мартовские события 1918 г. своей приверженностью идее автономии Азербайджана. Отвечая на подобного рода обвинения, М.Э.Расулзаде подчеркивал, что “это, может быть, похоже отчасти на правду, поскольку если бы мы покорно гнули головы перед врагами нашей свободы, не было бы, может быть, этих событий”³¹.

При этом М.Э.Расулзаде открыто признает, что “мы этого сделать не могли. Мы открыто в то время требовали автономию для Азербайджана. Этим мы увеличивали число своих врагов. Наши враги говорили, что автономию Азербайджана желают некоторые лица для своих личных интересов и что это не является желанием всего азербайджанского народа. Но они отлично знали, что народ идет за “Мусаватом”. Ведя с нами борьбу, они вели борьбу с азербайджанским народом. Все так называемые левые партии направляли свои удары на “Мусават”. Наша партия всячески старалась избежать этих событий. Она через газету “Ачыг сез” обратилась к населению с призывом не поддаваться эмоциям, но, тем не менее, война была начата. Известие о мартовских событиях достигло членов ЦК (партии “Мусават” - А.Б.) в Гяндже (Елисаветполе) и Тифлисе”³².

Между тем, в отличие от “Мусавата”, для дашнаков и большевиков мартовские события 1918 г. не явились неожиданностью, поскольку именно они были их истинными инициаторами и организаторами. Выше мы уже отмечали подготовку к этим событиям большевиков, и в частности, меры по укреплению боевого потенциала красноармейских отрядов в Баку.

Кроме того, большевистские руководители Бакинского Совета никогда не скрывали своей приверженности вооруженным методам борьбы с “националистическими феодально-буржуазными силами”. Как отмечал С.Г.Шаумян, “наша политика - гражданская война, и кто против этой политики, те слуги наших врагов”³³. А его заместитель по Бакинскому совету П. Джапаридзе, выступая 26 марта 1918 г., признавал, что “вся наша прежняя

политика сводилась к тому, чтобы выиграть время. Мы знали, что нам придется вступить в схватку с контрреволюционными силами, и готовились к ней»³⁴.

Подобная позиция руководителей Бакинских большевиков была вполне естественной, если учесть, что они стремились превратить Баку в стартовую площадку для начала гражданской войны в регионе, призванной утвердить советскую власть на всей территории Закавказья. И первой мишенью этой войны стали азербайджанцы Бакинской губернии. Не менее тщательно к мартовским событиям 1918 г. подготовились и представители «Дашнакцутюн». Как свидетельствуют многочисленные источники, армянское население

Баку заблаговременно запасалось огнестрельным и холодным оружием. Не было ни одной армянской семьи в городе, у которой дома не имелось бы минимум 2-3 ружья или револьвера, а также боеприпасов к ним. Не останавливаясь ни перед какой ценой, армяне покупали оружие у русских солдат, покидавших Кавказский фронт, выписывали его из других мест, и вообще, доставали, где это только было возможно.

Армяне заранее составили списки состоятельных азербайджанцев города Баку с точными адресами их квартир, зданий, офисов, промышленных предприятий и торговых объектов. Именно с такими списками в руках банды мародеров устраивали погромы в азербайджанских кварталах Баку.

Большевикам и их союзникам - дашнакам необходим был лишь подходящий повод для развязывания вооруженной борьбы против азербайджанцев, который вскоре и представился. Им стал инцидент с пароходом «Эвелина», на котором 27 (15)* марта 1918 г. в Баку прибыли офицеры и солдаты азербайджанского конного полка бывшей кавказской дикой дивизии во главе с генералом Тальшинским. Они намеревались участвовать в похоронах своего сослуживца, сына известного азербайджанского предпринимателя и мецената Г.З.Тагиева - Мамеда Тагиева, погибшего в результате неосторожного обращения с оружием.

После похорон М. Тагиева и оказания ему последних военных почестей вечером 29 (17) марта 1918 г. солдаты и офицеры дикой дивизии собирались на том же пароходе отплыть обратно в г. Ленкорань, находящийся в 270 км к югу от Баку, на берегу Каспийского моря. Однако руководители Бакинского совета не разрешили капитану «Эвелины» отойти от пристани. Большевики, предпочитавшие не замечать присутствия в городе многотысячных армянских формирований, предъявили ультиматум нескольким десяткам азербайджанских военнослужащих, потребовав в

* В скобках даны даты по старому стилю.

течение 24 часов сдать оружие представителям Исполнительного комитета Бакинского совета.

В этой связи возникает закономерный вопрос: если руководители Бакинского совета действительно стремились к сохранению мира и спокойствия, то почему воспрепятствовали мирному отъезду из города единственной вооруженной группы азербайджанцев?

Очевидно, что это был заранее спланированный большевистско-дашнакскими силами шаг с целью спровоцировать азербайджанцев на ответные действия, чтобы затем развязать настоящую войну против мирного населения города.

Пытаясь предотвратить обострения ситуации, военнослужащие дикой дивизии примерно в 6 часов утра 18 марта согласились сдать оружие представителям Исполнительного комитета. Однако разоружение азербайджанских военнослужащих, к тому же собирающихся отплыть в Ленкорань, вызвало справедливое возмущение фактически безоружного и беззащитного перед расквартированными в городе многотысячными вооруженными армянскими формированиями азербайджанского населения Баку и его окрестностей.

И уже утром 30 (18) марта 1918 г. в различных районах города стали возникать стихийные митинги протеста азербайджанцев, участники которых вполне обоснованно требовали возвращения конфискованного у азербайджанских военнослужащих оружия, или же одновременного разоружения армянских формирований в Баку.

Обращает на себя внимание факт, что тем же утром 30 (18) марта в здание “Исмайилие”, где проходило заседание представителей азербайджанской общественности, прибыла делегация армянского населения города во главе с Гайком Тер-Микаелянцем. От имени Армянского национального совета и партии “Дашнакцутюн” Г. Тер-Микаелянец пытался заверить азербайджанцев в том, что если они выступят против большевиков, то армянские формирования присоединятся к ним, и помогут выгнать большевиков из Баку.

Провокационный характер данного предложения Г. Тер-Микаелянца было настолько очевидно, что участники заседания даже не сочли нужным его обсуждать. Наоборот, представители азербайджанской интеллигенции и политических сил попытались успокоить горожан, и тем самым, разрядить напряженную обстановку в Баку. С этой целью партия “Мусават” обратилась к азербайджанскому населению города с призывом проявить сдержанность.

Одновременно для предотвращения дальнейшей эскалации напряженности 30 (18) марта 1918 г. в 14 часов на квартире азербайджанского большевика Н.Нариманова начались переговоры между лидером “Мусават” М.Э.Расулзаде и руководителем Бакинского Совета

С.Г.Шаумяном. В ходе этих переговоров между сторонами была достигнута предварительная договоренность о возвращении конфискованного оружия военнотружущим дикой дивизии при посредничестве большевистской организации “Гуммет”.

Однако дальнейшие события показали, что это было лишь отвлекающим маневром С.Г.Шаумяна с целью усыпить бдительность азербайджанской стороны. На самом же деле, большевистско-дашнакское руководство Бакинского совета вовсе не собиралось выполнить данную договоренность.

В тот же день, 30 (18) марта примерно в 16 часов 40 минут азербайджанские представители явились в здание Исполнительного комитета Бакинского совета, чтобы согласовать детали реализации достигнутого между М.Э.Расулзаде и С.Шаумяном соглашения о возврате конфискованного оружия. Именно в этот момент было получено сообщение об обстреле конного отряда Красной Армии на Шемахинской улице.

Воспользовавшись этим инцидентом, представители большевиков и дашнаков тут же прервали переговоры, проигнорировав все доводы азербайджанской стороны о необходимости продолжения консультаций во избежание кровопролития в городе.

Подобное их поведение вряд ли было случайным, поскольку, как впоследствии выяснилось, обстрел конного отряда Красной Армии оказался совместно разработанной и осуществленной провокацией большевистско-дашнакского альянса. Выстрелы в сторону красноармейцев на Шемахинской улице произвели укывшиеся там армянские солдаты. Таким образом, убедившись в том, что азербайджанцев не удастся спровоцировать на вооруженное выступление против большевиков, дашнакские боевики решили добровольно взять на себя эту функцию. Тем самым, они хотели дать повод большевикам для начала масштабной карательной операции против мирного азербайджанского населения города, а заодно скомпрометировать азербайджанцев в глазах нейтрально настроенных горожан.

К сожалению, этот план удался и, воспользовавшись этой провокацией в качестве запала запланированного взрыва, руководители Бакинского совета дали команду своим вооруженным формированиям незамедлительно начать крупномасштабную военную акцию в азербайджанских кварталах Баку.

О том, что большевикам нужен был только повод, свидетельствует собственное признание С.Г.Шаумяна: “Мы воспользовались поводом, первой попыткой вооруженного нападения на наш конный отряд, и открыли наступление по всему фронту... у нас были уже вооруженные силы около 6 тысяч человек. У “Дашнакцутюн” имелось также около 3-4 тысяч национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной

резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. *Если б они взяли верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана*³⁵.

К 18 часам 30 (18) марта боевые действия уже распространились практически на все основные азербайджанские кварталы города. Причем, большевистско-дашнакские формирования вели наступление на эти кварталы по всем правилам военного искусства. Малочисленные, и к тому же разрозненные и слабо вооруженные группы азербайджанцев оказались не в состоянии приостановить наступление большевиков и дашнаков.

В отличие от аналогичных событий 1905-1906 гг., когда в различных регионах Закавказья происходили вооруженные стычки между неорганизованными азербайджанскими и армянскими массами, в марте 1918 г. в Баку тем же неорганизованным азербайджанским массам противостояли фактически регулярные армянские части, к тому же поддержанные большевистскими формированиями.

Впрочем, части Красной Армии Бакинского Совета по своему национальному составу мало отличались от армянских формирований и “состояли почти исключительно из армян-фронтовиков, руководимых дашнакскими офицерами”³⁶. Достаточно отметить, что в это время начальником штаба Красной Армии в Баку являлся полковник бывшей царской армии, член партии “Дашнакцутюн” - З.Аветисян. Другой представитель этой партии, печально знаменитый своими зверствами над азербайджанским населением Амазасп командовал 3-й бригадой Красной Армии. Поэтому неудивительно, что в насилии над мирными азербайджанцами активное участие принимали не только армянские формирования, но и части Красной Армии.

Ожесточенным атакам большевистско-дашнакских отрядов подверглись практически все без исключения азербайджанские кварталы Баку, начиная от центра и кончая окраинами города. В бомбардировке азербайджанских кварталов активно использовались аэропланы, а выдвинутые к берегу корабли Каспийской флотилии - “Ардаган” и “Жанр” вели по ним прицельный огонь из своих орудий. Особенно яростную атаку большевистско-дашнакских солдат пришлось выдержать жителям исторической части города - Ичеришехер. Наступлением здесь руководил перешедший от дашнаков к большевикам А.И.Микоян, который в то время возглавлял один из отрядов Бакинского совета. Этот факт подтверждается и сыновьями А.И.Микояна в опубликованном ими материале в “Военно-историческом архиве”³⁷

Для руководства военной операцией против азербайджанцев в ночь с 30 (18) на 31 (19) марта 1918 г. был образован т.н. “Комитет революционной обороны”, объявленный “высшим военно-политическим органом в г. Баку и

его района»³⁸. В состав этого комитета, по сути, управлявшего истреблением мирных азербайджанцев, вошли С.Г.Шаумян, Г.Корганов, П.Джапаридзе и И.Сухарцев. Кроме того, туда были приглашены лидер правых эсеров С.Саакян и руководитель Бакинской организации партии «Дашнакцутюн» С.Мелик-Еолчян³⁹.

И это несмотря на то, что представительство национальных организаций в данном комитете в принципе было отвергнуто большевистскими лидерами Бакинского Совета, но, как видим, исключение сделали для руководителя местного отделения партии «Дашнакцутюн». Данный факт является очередным доказательством использования большевиками «двойных стандартов» в отношении действующих в регионе национальных организаций.

Единственным представителем азербайджанцев в этом пресловутом комитете стал член большевистской партии Н.Нариманов, которого ужасающие размеры зверств в отношении азербайджанцев в первый момент привели в полную растерянность. Сразу после мартовской трагедии 1918 г. Н.Нариманов опубликовал в большевистской газете «Гум-мет» открытое письмо С.Г.Шаумяну и П.Джапаридзе, в котором утверждал, что «эти события запятнали и очернили Советскую власть»⁴⁰.

В этом письме Н.Нариманов, обращаясь к своим соратникам по партии, писал: «если вы в ближайшее время не разорвете эту черную завесу и не снимете это пятно, большевистская мысль и Советская власть здесь удержаться не сумеют. Вам известно, что завоеванная с помощью оружия власть, не обрета поддержки в народе, не проживет»⁴¹.

К сожалению, «партийная дисциплина» большевиков вскоре оказала весьма отрезвляющее воздействие на Н.Нариманова, вынудив его существенно скорректировать свое отношение к мартовским событиям 1918 года. В частности, вскоре после этих событий Н.Нариманов объявил главным виновником случившейся трагедии уже «интриганов, жаждущих крови нации из контрреволюционной партии «Мусават»⁴². Хотя, ради справедливости, следует признать, что в гибели тысяч ни в чем не повинных мирных азербайджанцев в Баку Н.Нариманов, наряду с «Мусават», обвинял также и партию «Дашнакцутюн».

Необходимо также отметить, что, в отличие от Н.Нариманова и азербайджанских большевиков, их грузинские единомышленники в аналогичной ситуации, сложившейся в Тифлисе, заняли более принципиальную позицию, полностью соответствующую национальным интересам Грузии.

Так, после неудачной попытки мирного прихода к власти в Тифлисе в ноябре 1917 г., В.И.Ленин и И.В.Сталин в настоятельной форме потребовали от грузинских большевиков подготовиться к вооруженному восстанию.

Однако тогдашние руководители грузинских большевиков - Ф.Махарадзе, Б.Мдивани, О.Торошелидзе и др. в категорической форме отказались подчиниться этим требованиям большевистских лидеров, и выразили твердую убежденность в том, что “вопрос, который вызвал конфликт, может быть разрешен только мирным путем”⁴³.

В Азербайджане же стремление большевистско-дашнакского руководства Бакинского совета любой ценой стать полновластными хозяевами в городе в ходе мартовских событий 1918 г. привело к многочисленным жертвам среди мирного азербайджанского населения. Причем, зачастую жертвой наступавших на азербайджанские кварталы города большевистско-дашнакских отрядов становилась самая незащищенная его часть - дети, женщины и старики.

Жертвами мартовских событий 1918 года в Баку и его окрестностях стали более 12 тыс. мирных азербайджанцев. При этом следует обратить внимание на тот факт, что немалая их часть погибла не в ходе боевых действий на улицах города, а в собственных домах от рук мародеров.

Дело в том, что вслед за вооруженными отрядами большевиков и дашнаков двигались группы мародеров из 5-10 человек, состоящие преимущественно из армян. И по мере установления над азербайджанскими кварталами города контроля вооруженных формирований Бакинского совета, эти группы незамедлительно приступали к их “зачистке”. Эти “зачистки”, как правило, сопровождалась мародерством, грабежами и истреблением мирных азербайджанцев.

Обращает на себя внимание и тот факт, что эти банды почти всегда действовали по одному и тому же сценарию. В первую очередь, они обстреливали дома азербайджанцев, чтобы изгнать оттуда оставшихся жителей, после этого они взламывали двери, забирались в комнаты и повсюду шарили. Деньги и драгоценности тут же отбирали, а азербайджанцев, не пожелавших, или же не успевших покинуть свои дома, расстреливали на месте, прямо в комнатах, во дворе или у ворот.

Кроме драгоценностей, бандиты тащили из квартир азербайджанцев продукты питания и одежду, а мебель, большей частью, крушили и выбрасывали. Все это сопровождалось насилием над женщинами в присутствии их родных. Подобным образом хорошо организованные мародеры “обрабатывали”, квартал за кварталом, всю азербайджанскую часть города.

“Зачистка” же рынков и торговых рядов осуществлялась несколькими иным способом. Взломав двери и увозя на фургонах мануфактуру и другие товары, армянские мародеры затем поджигали магазины. Пламя перебрасывалось из конца в конец улицы, но беспокоиться по поводу пожара

им не было надобности, ибо все это происходило в азербайджанской части города.

Начавшиеся вечером 30 (18) марта, азербайджанские погромы продолжались фактически в течение недели. И все это время в городе творились невиданные злодеяния в отношении мирного азербайджанского населения Баку. По свидетельству очевидцев, потоки крови буквально лились по улицам и уцелевшим азербайджанским домам.

Перед тем как убить азербайджанцев, дашнакские боевики их истязали и всячески издевались над ними. Например, в известной Бакинской бане “Фантазия” азербайджанцев живыми бросали в кипящую воду. У обнаруженных впоследствии в этой бане трупов оказались обожженными кости и сухожилия, а мягкие части тела просто отпали.

Знаменитый Маиловский театр в Баку был превращен в импровизированную тюрьму, где содержались сотни плененных мирных азербайджанцев. Дашнакские боевики толпами гнали людей в здание этого театра, нередко в массовом порядке расстреливая их по дороге.

Формально именно партия “Дашнакцутюн” выступала гарантом неприкосновенности находившихся в Маиловском театре пленных азербайджанцев. Но это не мешало членам дашнакских вооруженных формирований группа за группой входить в здание театра, выбирать себе жертв, выводить их за пределы здания и расстреливать тут же, недалеко от театра. При этом с убитых сдирали одежду и драгоценности, а над трупами издевались, вскрывая их внутренности и обезображивая до неузнаваемости.

Подобные бесчеловечные действия дашнакских боевиков приводили в ужас даже некоторых русских солдат. Один из этих солдат, ставший участником и очевидцем мартовских событий 1918 г. в Баку, так описывает бесчинства дашнаков: “Они убивают мирных мусульман, режут без всякой надобности скотину, и от этой падали распространяются инфекционные болезни. Мы бессильны это остановить. Это не люди, а звери, алчущие крови и добычи”⁴⁴.

Характерно, что убийства и грабежи мирных азербайджанцев в городе не прекращались даже после принятия партией “Мусават” ультиматума, предъявленного большевистско-дашнакским руководством Бакинского совета.

В ультиматуме от руководства “Мусават”, в частности, требовалось:

1. Открытое и безоговорочное признание Бакинского Совета как единственной власти, и абсолютное повиновение всем его приказам;
2. Вывод с территории Баку азербайджанской воинской части дикой дивизии;
3. Открытие сообщения на железной дороге Баку - Тифлис и Баку - Петровск”⁴⁵.

Некоторые из этих требований носили заведомо абсурдный характер. Так, азербайджанцы и их политические организации даже при желании не могли обеспечить бесперебойное функционирование железной дороги Баку - Петровск, поскольку они не контролировали эту железнодорожную линию на всем ее протяжении. Что же касается требования о выводе с территории Баку азербайджанских военнослужащих, то именно большевистско-дашнакские лидеры Бакинского совета не позволили им покинуть пределы города буквально накануне мартовских событий.

Тем не менее, ради сохранения жизни мирного азербайджанского населения города, руководство “Мусават” еще вечером 31 (19) марта уведомило Исполнительный комитет Бакинского совета о принятии всех условий предъявленного ультиматума. А на следующий день, утром 1 апреля (20 марта) на всех азербайджанских домах Баку появились белые флаги.

Однако большевистско-дашнакские отряды и после этого фактически не предпринимали никаких действий с Целью прекращения погромов в азербайджанских кварталах города. Погромы продолжали происходить при полном попустительстве руководства Бакинского совета, которое, выдвигая все новые и новые требования, сознательно затягивало процесс достижения перемирия, тем самым, способствуя возрастанию количества жертв среди мирных жителей.

Лишь в 11 часов утра 2 апреля (21 марта) 1918 г. руководство Бакинского совета наконец-то удосужилось официально согласиться на перемирие с азербайджанцами. Однако убийства и грабежи в азербайджанских кварталах продолжались вплоть до 5 апреля (24 марта) 1918 г.

В этих условиях, пытаясь как-то спасти жизнь своих родственников и близких, многие состоятельные азербайджанцы старались отправить их на дачи, расположенные в окрестных азербайджанских селах Баку. Однако многих это не спасло, поскольку кровавая резня, устроенная большевистско-дашнакскими формированиями, распространилась и на эти села, которые испытали насилия не меньше центральных кварталов Баку. В частности, в ходе мартовских событий 1918 г. серьезно пострадали окрестные бакинские села Маштаги, Рамана, Балаханы, Новханы, Дигях, Горадиль, Магоммедли и др., расположенные всего в нескольких километрах от Баку.

Большевистско-дашнакские отряды не позволяли азербайджанцам даже похоронить своих убитых родственников и близких, хотя по мусульманским законам тело усопшего должно быть предано земле в тот же день до захода солнца. По свидетельству очевидцев, после окончания кровавой вакханалии на улицах Баку лежали сотни обезображенных трупов азербайджанцев, проколотых штыками и разрубленных шашками. Попадались также трупы женщин и детей со вспоротыми животами, с

отрезанными руками и ногами. Количество трупов было столь велико, что процесс их уборки с улиц города удалось закончить лишь к 12 апреля (31 марту). Из-за этого в течение длительного времени после мартовской трагедии на улицах Баку ощущалось страшное зловоние.

Таким образом, вооруженная расправа, начавшаяся под предлогом борьбы с мусаватистами, фактически переросла в целенаправленное уничтожение мирного азербайджанского населения города и окрестных сел. Как справедливо отмечала газета “Азербайджан”, у большевиков “классовые вопросы отошли на задний план и сейчас борьба идет не с отдельными классами, а с азербайджанскими тюрками, и не на социальной, а на национальной, даже религиозной почве”⁴⁶.

Примерно аналогичной позиции придерживался и азербайджанский большевик С.М.Эфендиев, который подчеркивал, что во время мартовских событий 1918 г. “дашнаки уничтожали не только мусаватистов, но всех мусульман вообще... Ход событий создал такое положение, при котором товарищи, стоявшие во главе Совета - Шаумян, Джапаридзе и другие сами стали узниками дашнаков”⁴⁷.

Даже меньшевистская газета “Наш голос”, которая в начале событий поддерживала действия руководства Бакинского совета, квалифицировала происходящее в городе, как “национальную резню”. И тут же газета была закрыта постановлением т.н. “Комитета революционной обороны”, “ввиду появившихся в ней не отвечающих действительной оценке событий и явно тенденциозных статей”⁴⁸.

Следует отметить, что в ходе этих событий пострадали не только мирные граждане, но и многие архитектурные памятники Баку. В частности, 1 апреля (20 марта) 1918 г. армянскими солдатами было дотла сожжено здание “Исмайилие”. Это здание, кроме своих архитектурных достоинств, играло заметную роль в общественно-политической жизни азербайджанцев, поскольку в нем располагались многочисленные офисы различных азербайджанских общественных и политических организаций. В “Исмайилие” также проводились различные мероприятия общенационального масштаба. Армянских солдат не остановило даже то обстоятельство, что там находился также центральный аппарат большевистской организации “Гуммет”.

Характерно, что когда огонь перекинулся на расположенный напротив здания “Исмайилие” дом братьев Красильниковых, тут же был вызван пожарный отряд. Прибывшие пожарные немедленно приступили к ликвидации огня в доме Красильниковых, не принимая никаких мер для тушения пожара в “Исмайилие”. Не спасло положение даже обращение азербайджанских большевиков лично к С.Г. Шаумяну. Хотя он и обещал распорядиться, чтобы приняли меры для тушения пожара в “Исмайилие”, но

на самом деле такого указания не последовало, в результате от всего этого грандиозного красивейшего здания остались лишь обгоревшие стены.

В ходе мартовских событий значительно пострадали и мусульманские культовые сооружения города Баку. Многие из них подверглись нападению и были осквернены большевистско-дашнакскими отрядами. В частности, артиллерийскими снарядами было обстреляно и сильно повреждено с южной и восточной сторон здание соборной мечети Тезе-пир. Но, несомненно, самым кощунственным преступлением вооруженных формирований Бакинского совета стал поджог редакции газеты “Каспий”, где в подвале хранились 5000 экземпляров Корана, и все они были уничтожены огнем.

Вряд ли следует считать случайностью и тот факт, что эти трагические события совпали по времени с главным национальным праздником азербайджанцев - Новруз байрамы. Данный праздник ежегодно отмечается 20-21 марта, однако подготовка к нему начинается за несколько недель до этой даты. Развернув страшную бойню на улицах Баку именно накануне и в дни праздника Новруз, большевистско-дашнакские лидеры, тем самым, в очередной раз продемонстрировали свой цинизм и патологическую ненависть к азербайджанцам.

После мартовских событий в азербайджанских кварталах Баку царили уныние и безысходность. И совсем другие эмоции в это время господствовали в армянских кварталах города. Достаточно отметить, что вслед за окончательным прекращением огня и установлением перемирия в домах некоторых зажиточных армян Баку в честь “мартовской победы над мусульманами” даже устраивались специальные праздничные балы.

Безусловно, в совершенных в ходе мартовских событий 1918 г. преступлениях в отношении азербайджанских жителей города нельзя огульно обвинять все армянское население Баку. В некоторых случаях азербайджанских жителей города от неминуемой смерти спасали именно их армянские соседи и друзья, рискуя при этом собственной жизнью. Но, воздавая должное подобным поступкам, все же приходится констатировать, что большая часть армянских жителей города стала заложником большевистско-дашнакских лидеров.

Между тем, масштабы преступлений в отношении мирных азербайджанцев в Баку были столь впечатляющими и огромными, что зачинщикам и исполнителям мартовской бойни вскоре пришлось оправдываться. Пытаясь как-то откеститься от убийства тысяч мирных азербайджанских жителей города, армянский священник Баграт утверждал, что армяне не имеют к этому никакого отношения. По его словам, мартовские события в Баку были развязаны “Мусаватом” и большевиками, тогда как армяне, в целом, оставались нейтральными.

Правда, армянский священник все же вынужден был признать факт участия в этих преступлениях в отношении азербайджанского населения города некоторых армянских солдат. Но при этом он утверждал, что это были лишь отдельные личности, за действия которых Армянский Национальный Совет не может нести ответственности⁴⁹.

В свою очередь, руководитель бакинских большевиков С.Г. Шаумян пытался свалить всю ответственность за массовые убийства азербайджанцев в Баку на армянскую сторону. Он признавал, что в результате мартовских событий “пострадала масса бедных и бездомных мусульман”. И объяснял это тем, что большевикам “пришлось прибегнуть к помощи армянского полка, и они не могли допустить себе роскошь отказаться от их услуг”. Хотя без малейших угрызений совести тут же подчеркивал, что “...победа настолько велика, что это мало омрачает действительность”⁵⁰.

Дальнейшее развитие событий в регионе показало, что массовое уничтожение мирных азербайджанцев в Баку и его окрестностях большевистско-дашнакскими отрядами являлось лишь прелюдией более масштабной операции по выживанию азербайджанцев с их исконных земель на территории Бакинской и Елисаветпольской губерний. По крайней мере, в этот период руководство Бакинского совета стремилось к максимальному уменьшению численности азербайджанского населения в указанных регионах.

Дело в том, что именно тогда большевистские лидеры всерьез вынашивали планы по отторжению Баку и других прикаспийских территорий Бакинской губернии от Азербайджана с последующим их включением в состав Российской Федерации. Они даже подготовили соответствующее идеологическое обоснование для реализации этого плана. Так, по мнению одного из большевистских лидеров - И.В.Сталина, в экономическом отношении Бакинский нефтяной район не имел ничего общего с остальной частью Азербайджана. Учитывая господство в марксистской идеологии экономического детерминизма, своим высказыванием И.В.Сталин фактически отказывался признать Баку и его окрестности составной частью Азербайджана. В этом вопросе с И.В.Сталиным были солидарны и другие большевистские лидеры, в частности, руководитель Бакинского совета С.Г.Шаумян.

Идея отторжения Баку от Азербайджана была выгодна и партии “Дашнакцутюн”, поскольку облегчала реализацию ее планов по включению обширных территорий Бакинской и Елисаветпольской губерний в состав будущего армянского государства в Закавказье.

В этом процессе не осталась бы обделенной и грузинская сторона, которая претендовала на северо-восточные регионы Азербайджана - Шеки-Закатальскую зону. В данном контексте не выглядит случайной фактически

созерцательная позиция грузинских лидеров Закавказского Сейма в отношении мартовских событий 1918 г. в Баку и других уездах Бакинской губернии.

Таким образом, по сути, речь шла о попытке стереть Азербайджан с политической карты мира. Лишь благодаря самоотверженности азербайджанских национальных сил, в конечном итоге, удалось предотвратить реализацию этого преступного плана.

Тем не менее, вслед за Баку и его окрестностями, большевистско-дашнакским силам удалось весной 1918 г. организовать азербайджанские погромы и в некоторых других уездах Бакинской губернии. Почти синхронно с событиями в Баку утром 30 (18) марта 1918 г. начались азербайджанские погромы и в Шемахинском уезде Бакинской губернии. Причем, как и в Баку, большевистско-дашнакские силы заранее подготовились к этим акциям.

Начиная с первых чисел января 1918 года, в армянские села Шемахинского уезда из Баку практически еженедельно прибывали несколько фургонов, заполненных оружием и патронами. Усиленным вооружением армянского населения Шемахинского уезда руководили владелец аптекарского магазина в Шемахе Михаил Арзуманов, начальник Шемахинской почтово-телеграфной конторы Гюльбандов, а также Атабеков, незадолго до мартовских событий смещенный с поста городского комиссара именно по жалобе азербайджанцев. За относительно короткий срок им удалось вооружить практически все взрослое армянское население Шемахинского уезда. А в начале февраля 1918 г. в армянское селение Мадраса Шемахинского уезда прибыл большой вооруженный отряд армян⁵¹.

Все попытки азербайджанцев выяснить причины усиленного вооружения армянских жителей Шемахинского уезда наталкивались на успокоительные заявления последних. Армяне утверждали, что это оружие предназначено лишь для обеспечения безопасности армянских сел уезда, и ни при каких обстоятельствах не будут направлено против азербайджанцев.

Однако на рассвете 30 (18) марта 1918 г. жители города Шемахи, расположенного в 120 км от Баку, проснулись от раскатов пушечных выстрелов. Тот факт, что штурм Шемахи начался на рассвете 30 (18) марта, т.е. всего за несколько часов до аналогичных событий в Баку, свидетельствует о координации из единого центра всех карательных акций большевистско-дашнакских сил против мирного азербайджанского населения в различных регионах Азербайджана.

Взяв город в плотное кольцо окружения, армянские отряды и поддерживавшие их местные молokane подвергли Шемаху сильному артиллерийскому обстрелу. У азербайджанских жителей города не было сколько-нибудь серьезной вооруженной силы, чтобы как-то противостоять этой массированной атаке. И вскоре после начала штурма армянские отряды

ворвались в город. К вечеру 30 (18) марта сопротивление азербайджанцев в Шемахе было окончательно сломлено, город был дотла разгромлен, а потом - подожжен⁵².

Особую жестокость при захвате Шемахи проявил командовавший армянскими силами Степан Лалаев. Он приказал армянским отрядам окружить все без исключения мечети города, в которых по мусульманским обычаям скрывались женщины, дети и старики, и поджечь их. Таким образом, люди, укрывавшиеся в мечетях, погибли в огне ужасной смертью, а пытавшихся выбежать на улицу армянские солдаты мгновенно убивали⁵³. В результате в Шемахе не уцелела ни одна мечеть, включая один из прекрасных памятников азербайджанского зодчества - Джума-мечеть.

По личному указанию Степана Лалаева, молодых азербайджанок приводили в его собственный дом в Шемахе, раздевали, насильно спаивали, пьяными заставляли танцевать под звуки зурны, затем насильовали, после чего одних убивали на месте, а других сбрасывали с высокого балкона на улицу⁵⁴.

Очевидец этих событий отмечает, что армяне “проявили в Шемахинском погроме неслыханные и невиданные доселе в истории погромов жестокости, потеряв всякий стыд и совесть и вообще все те качества, коими человек отличается от хищного зверя”. Так, армяне не ограничивались простым убийством азербайджанцев, они издевались над их трупами - вырезали кольцом интимные части тела убитых женщин и надевали на члены убитых мужчин, и наоборот, всовывали отрезанные члены в интимные места женщин, прибивали кольями детей к земле и т.д.⁵⁵

После этих событий город представлял собой настоящее пепелище. О масштабах разрушений в Шемахе в период мартовских событий 1918 г. свидетельствует тот факт, что из 5 тысяч домов в городе уцелело только здание Реального училища⁵⁶.

Пытаясь спастись от погромов, часть городского населения Шемахи укрылась в близлежащих селах. Однако погромы распространились и на эти села. Всего в ходе мартовских событий 1918 года в Шемахинском уезде было уничтожено 58 азербайджанских сел. А численность убитых мирных азербайджанцев в Шемахинском уезде достигала 7 тыс. человек, включая 1653 женщин и 965 детей⁵⁷.

Вслед за Баку и Шемахой, такая же трагическая участь постигла и азербайджанское население Губинского уезда Бакинской губернии. По инициативе С.Г.Шаумяна в этот уезд был направлен двухтысячный отряд под командованием дашнакцакана Амазаспа. По личному указанию С.Г.Шаумяна, подбор солдат в этот отряд был осуществлен тогдашним военным комиссаром Бакинского совета Коргановым таким образом, что он состоял исключительно из армян, входивших в партию “Дашнакцутюн”⁵⁸.

Руководители Бакинского совета утверждали, что отряд Амазаспа был направлен в Губу “для водворения порядка и установления Советской власти”. Однако в одном из своих выступлений перед жителями Губы Амазасп так определял поставленные руководством Бакинского совета перед его отрядом задачи: “Я герой армянского народа и защитник его интересов. Я прислан сюда с карательным отрядом, чтобы отомстить вам за смерть тех армян, которые были убиты здесь две недели назад. Я прислан для отмщения..., мне приказано было уничтожить всех мусульман от берегов Каспийского моря до Шахдага, и жилища ваши сравнять с землей”.

Свидетельством карательного характера данной операции является и тот факт, что по пути следования в Губу отряд Амазаспа, нападая на азербайджанские села, расположенные по обеим сторонам железной дороги Баку-Ялама, поджигал и громил их, расхищал имущество, а не успевших убежать жителей убивал.

Были случаи, когда население высылало навстречу отряду Амазаспа парламентариев с белыми флагами для изъявления покорности. Однако солдаты Амазаспа не входили с ними даже в переговоры и расстреливали на месте, а посылавшие их селения громили. Подобный случай, например, имел место в селениях Дивичи-Базар и Кызыл-Бурун, жители которых отправили на встречу отряду Амазаспа 15 почтенных стариков с хлебом-солью. Однако армянские солдаты не приняли хлеб-соль и расстреляли всех стариков⁶⁰.

Подручные Амазаспа в своем озлоблении не щадили даже религиозные чувства азербайджанцев. По дороге в Губу его бандитами было осквернено много мечетей, а священные для мусульман книги, Коран они рвали на куски, а затем сжигали⁶¹.

Утром 1 мая 1918 г. отряд Амазаспа, окружив город Губу, расположенный в 170 километрах к северо-востоку от Баку, начал обстреливать его из пушек, пулеметов и ружей. Хотя в этом не было никакой необходимости, т.к. жители города и не собирались оказывать никакого сопротивления. Тем не менее, взятие города сопровождалось избиением мусульманского населения. Армяне беспощадно расстреливали попадавших на улицах Губы мужчин, женщин и детей, врвались в дома и вырезали целые семьи, не щадя даже грудных младенцев, которых расстреливали или зарубали кинжалами прямо на груди матерей⁶².

Солдаты Амазаспа приказывали почтенным старикам доставлять им мусульманских женщин, а в случае отказа убивали их на месте. Именно за отказ выполнить подобный приказ был убит житель Губы Али-Паша Кербелаи Магеррам оглу и его сын, которого закололи штыками, предварительно выколов ему глаза в присутствии отца⁶³.

“Установление советской власти” отрядом Амазаспа в Губинском уезде завершилось гибелью около 2 тыс. мирных азербайджанцев. Причем,

солдаты отряда Амазаспа, как и их единомышленники в других регионах Азербайджана, кроме убийств, занимались еще мародерством и грабежами. По подсчетам независимых наблюдателей, отрядом Амазаспа в Губе было “похищено четыре миллиона рублей наличными деньгами, золота, золотых изделий и драгоценных камней на четыре с половиной миллиона, разного товара и съестных припасов на двадцать пять миллионов рублей”⁶⁴.

Всего же весной 1918 г. большевистско-дашнакскими отрядами в Бакинском, Шемахинском, Губинском, Ленкоранском, Зангезурском уездах, в Карабахе и других регионах Азербайджана было убито примерно 30 тысяч мирных азербайджанцев. Еще десятки тысяч азербайджанцев в результате этих карательных операций вынуждены были покинуть свои родные дома и стать беженцами в собственной стране. Большевистско-дашнакскими отрядами были уничтожены десятки замечательных памятников национальной архитектуры, школы, больницы, мечети и другие общественные сооружения.

И все это делалось под шумок, поднятый в мировой прессе, об “избиении армян” мусульманами Закавказья. Следует отметить, что, в отличие от азербайджанцев, армянская сторона весьма искусно создавала в глазах мировой общественности миф о “многострадальности” армянского народа. Поэтому неслучайно, что английский журналист Скотланд-Лидделл, являвшийся непосредственным свидетелем событий 1918-1919 годов в Закавказье, называл армян “лучшими пропагандистами в мире”⁶⁵.

В этом контексте становится ясно, почему один из авторов начала XX века не без основания сравнивал азербайджанцев “с неповоротливым ребенком в семье, служащим объектом разных издевательств и насилия со стороны своих более ловких братишек. Причем, несчастный даже не пытается жаловаться и ждет покорно, когда придет мать отколотить не насильников, а его же, т.к. ловкая “информация” уже заранее пущена в ход”⁶⁶.

Министр юстиции Азербайджанской республики Х.Б.Хасмамедов еще в декабре 1918 г. отмечал, что причиной подобного положения являлась неискусственность в политике азербайджанцев, которые “не умеют пользоваться теми приемами к которым прибегают другие, в особенности их недоброжелатели”. По мнению министра, именно поэтому азербайджанцы так и “не сумели создать шум на всю Европу, обивать пороги великих мира сего, не сумели даже, как это принято, делать себе “хорошую прессу” в Европе...”⁶⁷.

Таким образом, все вышеизложенные факты в совокупности наглядно свидетельствуют о том, что, по своей сути, мартовские события 1918 г. не соответствовали даже ленинской трактовке гражданской войны. Ведь, по мнению большевистского вождя, гражданская война - это “наиболее острая

форма классовой борьбы, когда с оружием в руках представители одного класса борются против другого класса”⁶⁸.

Между тем, непредвзятый и объективный анализ исторических фактов показывает, что “гражданская война”, спровоцированная большевистско-дашнакским руководством Бакинского Совета с целью подорвать политическое могущество самого грозного своего противника - “Мусавата”, очень скоро приобрела характер национальной резни, главной мишенью которой стали простые азербайджанцы. В ходе этих событий большевистско-дашнакские отряды в массовом порядке уничтожали мирных азербайджанцев, не обращая абсолютно никакого внимания на их классовую и социальную принадлежность, не говоря уже об их политических убеждениях.

Впоследствии, пытаясь как-то оправдать эти преступления большевиков, советские историки утверждали, что “Бакинскому совету ничего не оставалось, кроме как искать поддержки одной национальной группы в борьбе против другой, и использовать имеющиеся национальные противоречия”⁶⁹.

Однако, несмотря на то, что в результате мартовских событий 1918 г. большевистско-дашнакскому руководству Бакинского Совета удалось на время стать полновластным хозяином в городе, одержанная победа, в конечном итоге, оказалась пирровой. В этом смысле именно мартовские события 1918 г. оказались началом конца советской власти в Баку.

Даже участник погромных операций А.И.Микоян, выступая в 1923 г. на пятом съезде АКП(б), вынужден был констатировать, что мартовские события привели к “еще большему отчуждению мусульманских трудовых масс от Советской власти”⁷⁰.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что, несмотря на огромные масштабы преступлений, совершенных в отношении азербайджанцев в ходе мартовских событий 1918 г., лидеры национального движения Азербайджана были далеки от мысли о реванше и мести.

Выражая позицию лидеров национального движения, газета “Азербайджан” вскоре после этих событий писала: “Мы не можем и не хотим уподобиться нашим политическим врагам, не особенно разбирающимся в средствах для достижения своих целей. Мы идем спокойно и хладнокровно, с полным сознанием своей правоты, с чистой совестью, к своей цели, в уверенности, что, наконец, наша лояльность по отношению ко всем соприкасающимся с нами народам, наша искренность и бесхитростность будут признаны и оценены со стороны тех, у которых злоба и эгоистичные вожелдения не закрыли глаза на действительность”⁷¹.

Большевикам и их союзникам в лице партии “Дашнакцутюн” в ходе мартовских событий 1918 г. так и не удалось достичь своей стратегической цели - обезглавить и разгромить Азербайджанское национальное движение,

поскольку основные силы национального движения, находившиеся в то время в регионах Азербайджана, не пострадали. Лидеры “Мусавата”, фактически осуществлявшие руководство национальным движением, также остались невредимыми. Впоследствии большевики даже сетовали, что “недостаточно энергично преследовали виновников мартовского выступления, руководителей партии “Мусават”⁷².

Более того, мартовские события 1918 г., окончательно подорвав и без того низкий авторитет большевиков среди азербайджанского населения, одновременно значительно укрепили социальную базу национальных сил во главе с “Мусаватом”. Но наиболее позитивным последствием этих событий, несмотря на весь их трагизм, стало усиление консолидационных процессов в Азербайджанском национальном движении. Оказавшись перед лицом смертельной угрозы национальному существованию, различные политические партии Азербайджана выступили единым фронтом в оценке сущности и последствий событий марта 1918 года.

На этой почве произошло и сближение позиций основных азербайджанских политических партий относительно перспектив и целей развития национального движения. Именно после мартовской трагедии “Мусават” взял курс на полную государственную самостоятельность Азербайджана, т.к. эти события со всей наглядностью продемонстрировали невозможность преобразования России под руководством большевиков в цивилизованное демократическое государство равноправных народов.

В сложившейся ситуации достижение национальной независимости стало главной целью практически всех без исключения политических сил страны. Именно сплоченность национальных сил привела к скорейшей реализации этой идеи и уже 28 мая 1918 г. была провозглашена государственная независимость Азербайджана.

1. Расулзаде М.Э. Азербайджанская республика (на азерб. яз.). Баку, 1990, с.28.
2. Цитата по: Буровский А.М. Крах империи. М., АСТ, 2004, с. 230.
3. Там же.
4. Каспий, 1917,19 апреля.
5. Каспий, 1917, 21 апреля.
6. Kazem-Zadeh F. Struggle for Transcaucasia (1917-1921). New-York, 1951, p.43.
7. Лалаян А. Контрреволюционный “Дашнакцутюн” и империалистическая война 1914-1918 гг. Революционный Восток, 1936, №2-3, с.96.
8. Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. 1917-1918. Баку, 1927, с.71.
9. Закавказский Сейм. Стенографический отчет. Тифлис, 1919, 7 марта 1918 г., с.35.
10. Там же.
11. Закавказский Сейм. Стенографический отчет. Тифлис, 1919, 7 марта 1918 г., с.5.
12. Государственный архив Азербайджанской Республики (далее - ГААР), ф.28, оп.1, ед.хр.185, л.7.
13. Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916.
14. ГААР, ф.100, оп.2, ед.хр.7, л.20.
15. Шаумян С.Г. Избранные произведения, т.2, М., 1978, с.257.
16. Ратгаузер Я. Указ. раб., с.119.
17. Шаумян С.Г. Избранные произведения, т.2, с.291.
18. Ленин В.И. Письмо С.Г.Шаумяну. Полное собрание сочинений, т.48. М., 1964, с.302-303.
19. Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917-1918 гг. Баку, 1957, с.318.
20. Kazem-Zadeh F. Struggle for Transcaucasia (1917-1921). p. 122
21. Ачыгсез, 1918, №627.
22. Декреты Советской власти, т.1. 25 октября 1917 г. - 16 марта 1918 г. М., 1957, с.289-290.
23. Качазнуни Ов. Дашнакцутюн больше нечего делать! Баку, 1990, с.21.
24. Там же.
25. Расулзаде М.Э. Указ. раб., с.33.
26. Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района, 1918, № 91.
27. Азербайджан, 1919, 6 декабря.
28. Ратгаузер Я. Указ. раб., с.145.
29. Байков Б.Л. Воспоминания о революции в Закавказье - Архив русской революции. М., 1991, т.9-10, с.114.

30. Ратгаузер Я. Указ. раб., с.142.
31. Азербайджан, 1919,6 декабря.
32. Там же.
33. Шаумян С.Г. Избранные произведения, т.2, М., 1978, с.265.
34. Ратгаузер Я. Указ. раб., с.141-142.
35. Шаумян С.Г. Избранные произведения, т.2, М., 1978, с.246.
36. Ратгаузер Я. Указ. раб., с.194.
37. Анастас Микоян. К 110-летию со дня рождения. “Военно-исторический архив”, 2005, №11, с.8.

38. Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района, 1918, №64.
39. Там же.
40. Нариманов Н. Избранные произведения, т.2. Баку, 1989, с. 123.
41. Там же.
42. Гуммет, 1918, №37.
43. Кавказский рабочий, 1918, №212.
44. Рустамова-Тогиди С. Этого забыть нельзя. Зеркало, 2007, 14 апреля.
45. Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917-1918 гг. Баку, 1957, с.333.
46. Азербайджан, 1918, 8 декабря.
47. Жизнь национальностей, 1919, 6 июля.
48. Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района, 1918, №62.
49. Kazem-Zadeh F. Struggle for Transcaucasia (1917-1921). p. 111-112.
50. Шаумян С.Г. Избранные произведения, т.2, М., 1978, с.249-250.
51. ГААР, ф.1061, оп.1, ед.хр.106, л.73-74.
52. ГААР, ф.1061, оп.1, ед.хр.99, л.18.
53. ГААР, ф.1061, оп.1, ед.хр.87, л.2.
54. ГААР, ф.1061, оп.1, ед.хр.87, л.2.
55. ГААР, ф.1061, оп.1, ед.хр.105, л.19.
56. ГААР, ф.1061, оп.1, ед.хр. 3, л.56.
57. ГААР, ф.1061, оп.1, ед.хр.11, л.65.
58. ГААР, ф.1061, оп.1, ед.хр.95, л.7.
59. ГААР, ф.1061, оп.1, ед.хр.95, л.5-6.
60. Там же, л.6.
61. Там же.
62. Там же, л.5.
63. Там же, л.6.
64. ГААР, ф.1061, оп.1, ед.хр.95, л.8.
65. ГААР, ф.894, оп.Ю, ед.хр.Ю3, л.12.

66. Азербайджан, 1918, 8 декабря.
67. Азербайджан, 1918, 8 декабря.
68. Ленин В.И. Военная программа пролетарской революции. Полное собрание сочинений, т.30. М., 1962, с.131.
69. Попов А.Л. Из истории революции в Восточном Закавказье - Пролетарская революция, №11,1924, с.157.
70. Бакинский рабочий, 1923, №58.
71. Азербайджан, 1918, 8 декабря.
72. Ратгаузер Я. Указ. раб., с.192.

Балаев Айдын Гусейнага оглу

**ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОКРАИНЫ**

Мартовские события 1918 года в Азербайджане

Редакторы:

Бабаев М.Ю.

Абуталыбов Р.А.

Ответственный за выпуск:

Сулейманов Т.А.

Подписано в печать 20.12.2007.

Формат 84х108/32. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,9. Уч.-изд. л. 2,6.

Тираж 1000 экз. Заказ 604

Изд. № 1633

ООО “Флинта”, 117342, Москва, ул.Бутлерова, д.17-Б, офис 345.

Тел./факс: (495) 336-03-11; (495) 334-82-65.

e-mail: flinta@mail.ru Website www.flinta.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ГОУ ДПО РМАПО.

г. Москва, ул. Баррикадная д. 2/1